

Виктор Кириенко
(Беларусь)

МЕНТАЛИТЕТ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Генетически однородные понятия «государственность» и «государство» имеют не только общие, но и существенно различающиеся черты. Беларусь как суверенное государство существует только с 1991 года. Но белорусская государственность намного старше белорусского государства. Элементы государственности у белорусов имеют древнюю историю. Они присутствовали на территории Беларуси в структуре Туровского и Полоцкого княжеств, в структуре Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, в Российской империи и в СССР. Белорусская земля родила и воспитала целую плеяду государственников, проявивших свои способности в перечисленных выше государственных образованиях. Но с проблемой построения собственного государства Белоруссия столкнулась только в последнее десятилетие XX века.

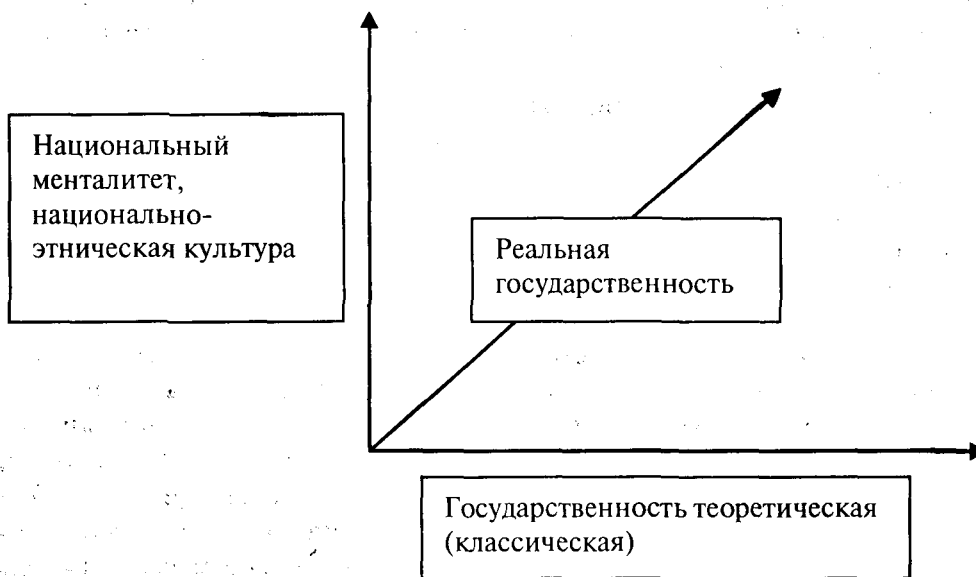
Еще совсем недавно на постсоветском пространстве "правовое государство" предполагалось как самодостаточное понятие. Считалось, что в самой категории "правовое государство" заложены главные системообразующие принципы нового, не тоталитарного, свободного, открытого гражданского общества. И задача заключается в создании систематизированного "правового поля", регулирующего основные формы общественного взаимодействия. Особенных трудностей на этом пути не ожидалось. Западные цивилизации со времени Римского права достаточно полно отработали как теоретико-исторические, так и практико-методологические уровни применения правовых норм во всех сферах: от международного до, по своей сути, интимно-личностного, семейного права.

Но очень быстро в правовом строительстве в новых, постсоветских государствах стали проявляться очень неприятные вещи. Во-первых, "узаконивание" правовых норм требовало их легитимизации, утверждения представительскими органами власти. Представительская, законодательная власть, будучи выборной и подотчетной избирателям, не могла "оторваться" от господствующих в обществе представлений о законности и справедливости. Но главная опасность и "ловушка" волюнтаристского правового строительства заключается в механизме применения принятых законов. Ведь после принятия законов начинается этап разработки механизма их применения: инструкций, положений, распоряжений, приказов, других подзаконных актов. Особенность этого уровня заключается в том, что авторами и исполнителями этого уровня "правового поля" являются субъекты государства, напрямую не зависящие ни от электората, избравшего законодателей, ни от самих законодателей. На этом уровне "конфигурация" правовых норм зачастую изменяется столь существенно, что идея, дух закона от первоначально задуманного, изменяется до противоположного.

На следующем этапе, в процессе непосредственной реализации правовых норм, его соисполнителями, авторами становится по сути все общество. А оно опять "исправляет" все "неточности", все "неправильности", допущенные при принятии как законных, так и подзаконных актов.

Соразмерив "пропасть" между первоначальной идеей "правильного" общественного обустройства и фактической ее реализацией, государственные институты начинают следующий "виток" по разработке, принятию и реализации более "правильных" законов. Которые, в очередной раз, "исправят" исполнители.

Реальная национальная модель государственности схематично может быть изображена как производная между теоретической (классической) моделью государства и национально-этнической культурой (национальным менталитетом).

1. рисунок. Реальная модель государственности.

Величина "вилки" между национальным менталитетом и реальной государственностью в различные периоды развития общества существенно изменяется. В революционные эпохи перестройки общества, под влиянием популистских настроений реальная государственность приближается к нормативам зафиксированным в менталитете "победившего" социального класса; при достижении "победы" смещается в сторону " "правильной" государственности. Социально-политические коллизии конца XX — начала XXI вв. В восточнославянских государствах подтвердили эту закономерность.

Такова реальность. И дело здесь не в «зловредности» незаконопослушных исполнителей. Этот аспект исполнительности вытекает из содержания ментальной характеристики «законопослушание». Ведь само понятие «законопослушание» в рамках национально-этнических культурах имеет различную нагрузку. В западной культуре законопослушание, в самом общем плане, обозначает следование «букве» закона, тому закону, который на бумаге. В восточных, в том числе и славянских культурах, законопослушанием обозначают следование, в лучшем случае, «духу» закона, а полнее — закону, который в душе, закону совести. Может ли быть закон несправедливым? Справедливо то, что законно или законно то, что справедливо? Дилемма, не предполагающаяся в системе правового сознания западной цивилизации и вечно мучающая, терзающая славянскую душу. Со времен Аристотеля в западной культуре понятия «справедливость» и «законность» по своей сути тождественны. Все законное является справедливым, а все справедливое — законно. Для западного типа общества именно цивилизованные, выступающие в форме правовых, нормы являются главным скрепом общества. «Пусть пропадет весь мир, но восторжествует право!» - один из постулатов и, возможно, главный постулат Древнеримского права, достаточно убедительно и наглядно выражает максимум соотношения справедливости и законности.

Восточная культура со времен Конфуция понятия «справедливости», данное людям небом и законов, написанных людьми, не совпадает. Законы могут быть не спра-

ведливыми, тогда как справедливость всегда совершенна. Право является необходимым атрибутом, составной частью справедливости. Но справедливость далеко не исчерпывается правом. Идея справедливости является суперпринципом раннего христианства. Само христианство возникло как противостояние (противоречащее юридическим нормам как Иудеи, так и Римской империи), но социально справедливое. Ранехристианская справедливость была облечена в форму законов божьих. В отличие от раз и навсегда данной, абсолютной, трансцендентной сущности справедливости, существующей независимо от индивидов и государства, в понимании Платона и Гегеля, у восточных славян сформировалось представление о человеческой справедливости. А в отличие от абсолютной, трансцендентной справедливости, человеческая система справедливости многомерна и поликоординатна. В процессе сопоставления несоизмеримых, разнокоординатных величин, в славянском менталитете происходит эмоционально-нравственный мучительный выбор альтернатив между государственной законностью и человеческой справедливостью.

В мировоззренческой картине восточных славян понятие социальной справедливости всегда носило не только эмоциональную, но и социально-регулятивную нагрузку. Понятие справедливости заменяло категорию законности. Преступления против совести у восточных славян всегда были более тяжкими, чем преступления против закона. Буква закона всегда котирировалась ниже духа закона. Понятие «буквоед» у восточных славян, как правило, ассоциировалось с бездушным, бессердечным человеком.

В исследовании, осуществленном социологической лабораторией Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого было сконструировано пять принципов социальной справедливости распределения материальных благ. Конструирование принципов социальной справедливости осуществлялось из следующих переменных:

- наличия и размера капитала;
- личных качеств (личная инициатива, способности, квалификация);
- необходимостью делиться со слабыми и бедными;
- ничем не обусловленное полное равенство в получении благ.

Итак, респонденты трех славянских стран среди пяти принципов социальной справедливости доминирующим определили принцип, в соответствии с которым люди должны получать долю общественных благ в зависимости от личной инициативы, способностей, квалификации, деловых качеств. Нетрудно увидеть, что в конструкции этого принципа их четырех возможных компонент заложена только одна — личностные характеристики. Представляется, что этот принцип поддержат как социалисты, так и либералы.

На второе место белорусские, русские и польские респонденты поставили самую сложную конструкцию (состоящую из трех переменных) принципа социальной справедливости: люди должны получать долю общественных богатств в зависимости от их капиталов, личной инициативы, способностей, квалификации, деловых качеств, но при этом делиться со слабыми и бедными. Если это и есть выражение применяемого сегодня политиками и экономистами понятия "социально ориентированная рыночная экономика", то тогда "лед тронулся" — сторонников этого пути общественного реформирования в трех славянских государствах больше, чем его противников.

Достаточную общественную поддержку нашел и принцип социальной справедливости, состоящий из двух переменных: наличия капитала и личностных достоинств индивида. Этот принцип скорее всего соответствует классической рыночной экономике. Учитывая "общинную закодированность" респондентов, представляется, что часть общества, исповедующая этот принцип социальной справедливости, примет ско-

рее всего второй, более мягкий вариант социально-ориентированной рыночной экономики.

Последние два принципа, сконструированные нами как крайние, служат иллюстрацией диалектического принципа: крайности сходятся. Итак, принцип "дикого капитализма": "все люди должны получать долю общественных благ в зависимости от размеров их капиталов" положительно оценили только каждый четвертый респондент, тогда как 2/3 опрошенных определили, что он противоречит принципам социальной справедливости. Но самым непопулярным среди всех оказался принцип "военного коммунизма": "все люди должны получать равную долю материальных благ".

Представленный анализ позволяет сделать несколько принципиальных выводов:

- В понимании принципов социальной справедливости позиция белорусских респондентов не отличается от позиций русских и польских респондентов.
- В мировоззренческой картине современных славян нет места для двух крайних путей общественного реформирования: вульгарного, уравнилельного социализма и примитивного, «дикого» капитализма.
- Из двух рыночных путей общественного реформирования явное предпочтение отдается социально ориентированной рыночной экономике.
- Учитывая неизбежный процесс "капитализации" все большей части населения, неизбежно смещение части сторонников вульгарного социалистического принципа в сторону социально-ориентированной рыночной экономики.
- Потребность в социальной равновесии, социальной стабильности будет вытеснять и часть сторонников классического капитализма на поле "социально-ориентированной рыночной экономики".

Все это и позволяет сделать вывод о том, что при благоприятных стабильных социально-экономических условиях, поддержка модели социально-ориентированной рыночной экономики будет увеличиваться и, наоборот, дестабилизация социально-экономической ситуации, падение жизненного уровня, равно как и усиление "гримас дикого капитализма" будет неизбежно вызывать "полевение" общественного сознания, общественных идеалов.

Summary

Victor Kiriyenko

Mentality as a factor of State organizations national specific

The article observes the problem of "legalization" of legal rules in the countries with different national - ethnic - culture. The research, carried out by Belarus and Russia under the author's supervision, concentrated five principles of sociological justice of the material welfare's distribution.